

Научная статья

УДК 339.98 (51)

DOI 10.52070/2500-347X_2022_3_848_23

Риски и уязвимости восточноазиатской модели опережающего развития в XXI веке

К. А. Корнеев¹, Л. А. Печищева²

¹Институт Китая и современной Азии Российской академии наук, Москва, Россия
korneev@ifes-ras.ru

²Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия
mayflower-85@inbox.ru

Аннотация. Цель исследования – определить происхождение и структуру уязвимостей внутри восточноазиатской модели опережающего развития и оценить «ёмкость» конфликтного потенциала в регионе. Научная значимость работы обуславливается предложением комплексного методологического подхода к решению подобных проблем, в то время как практическая значимость проистекает из большой важности восточноазиатского региона для России в политико-экономическом измерении в настоящий момент и в долгосрочной перспективе.

Ключевые слова: страны Восточной Азии, модель опережающего развития, торгово-экономические отношения, глобальные вызовы, угрозы региональной безопасности

Для цитирования: Корнеев К. А., Печищева Л. А. Риски и уязвимости восточноазиатской модели опережающего развития в XXI веке // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2022. Вып. 3(848). С. 23–29. DOI: 10.52070/2500-347X_2022_3_848_23

Original article

Risks and Vulnerabilities of East Asian Rapid Expansion Model of the 21st Century

K. A. Korneev¹, L. A. Pechishcheva²

¹Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
korneev@ifes-ras.ru

²Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
mayflower-85@inbox.ru

Abstract. The study's aim is to determine the origin and structure of the vulnerabilities within the East Asian model of rapid expansion and to assess the "capacity" of the conflict potential in the region. The scientific significance of the work is determined by the development of a comprehensive methodological approach to solving such problems, while the practical significance stems from the great importance of the East Asian region for Russia in the political and economic dimension at present and in the long term. An essential contribution of the work to the relevant field of knowledge will be the adaptation to the research logic of several scientific and theoretical concepts and obtaining solid conclusions on their basis.

Keywords: East Asian countries, model of rapid expansion, trade and economic relations, threats to regional security

For citation: Korneev, K. A., Pechishcheva, L. A. (2022). Risks and vulnerabilities of East Asian model of the rapid expansion in the 21st Century. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 3(848), 23–29. 10.52070/2500-347X_2022_3_848_23

ВВЕДЕНИЕ

На протяжении всей второй половины XX века и в начале XXI века страны Восточной Азии (Япония, Китай и Республика Корея) демонстрировали высокие темпы экономического роста, вызвавшие быстрый переход от аграрно-индустриальной системы организации национального хозяйства к достижениям третьей промышленной революции. Это сформировало устойчивое восприятие Восточной Азии как региона опережающего развития. Однако в настоящий момент прослеживается заметный кризис такой модели, основанной на ускоренном воспроизводстве зарубежных технологий и создания на их основе экономики, ориентированной на экспорт товаров с высокой добавленной стоимостью. Растущая конкуренция между странами региона и различное видение ими базовых принципов международных торгово-экономических отношений, очевидно, ведёт к усилению противоречий и появлению весомых угроз региональной безопасности.

В данной научной статье, помимо стандартных разновидностей анализа / синтеза (сравнительный и типологический анализ, историко-логический анализ, статистический анализ и др.), акцент делается на методологии и научном инструментарии ряда теорий. Это избранные аспекты теории экономического роста и отдельные положения известной теории международной конкурентоспособности М. Портера (применительно к специфике региона Восточной Азии). Определенное внимание уделяется также теории зависимости, которая имеет тесную связь с концепциями неокOLONIALИЗМА. Данные теории говорят о том, что ежегодно степень зависимости одних стран от других возрастает в условиях турбулентности, глобализации и «провалов рынка», а это, в свою очередь, провоцирует напряженность и в международных торгово-экономических отношениях.

Так, страны Восточной Азии, в истории которых есть и страницы колониальной / полуколониальной зависимости, сейчас сами находятся в русле неокOLONIALИЗМА, если говорить о стратегиях присутствия и конкуренции их транснациональных корпораций на рынках слаборазвитых стран Африки, Латинской Америки, Юго-Восточной и Южной Азии. Отчасти такое видение основано на концепции мир-системного анализа И. Валлерстайна, отчасти – на концепции «информационной экономики» Дж. Стиглица. Общее здесь в том, что речь идет о глобализации в качестве главного фактора «великого разделения» и неравенства, тормозящего экономическое, социальное и политическое развитие большинства стран мира.

Следует отметить, что в настоящей работе сознательно употребляется понятие «опережающего развития» вместо устоявшегося в научной литературе «догоняющего развития». Государства Восточной Азии уже преодолели этап экстенсивного роста, они сегодня стремятся заполучить приоритетные позиции в технологической гонке и «опередить» региональных конкурентов.

ОБЩЕЕ ПОНИМАНИЕ ВОСТОЧНОАЗИАТСКОЙ МОДЕЛИ ОПЕРЕЖАЮЩЕГО РАЗВИТИЯ

Наиболее показательными примерами такой модели, со всеми ее плюсами и минусами, можно считать Японию, и в меньшей степени – Южную Корею. В значительной мере принципы экономического успеха Японии были заложены американской оккупационной администрацией в конце 1940-х гг. Три реформы – антимонопольного законодательства, аграрная и трудового законодательства – стали основой для запуска рыночных механизмов в Японии. Разукрупнение традиционных корпораций – дзайбацу – способствовало росту конкуренции, развитию малого и среднего предпринимательства на основе частной собственности на средства производства, что, вкупе с высвобождением свободных рабочих рук в сельской местности, стимулировало рост урбанизации и смещение парадигмы в сторону индустриального развития. Защита прав трудящихся сформировала понятные правила игры на рынке труда и в итоге привела к расцвету практики «пожизненного найма», когда сотрудник десятилетиями работал в одной компании, будучи максимально защищенным с точки зрения закона и корпоративной этики [Мозебах, 2018, с. 495].

Естественно, этих реформ было бы недостаточно для японского «экономического чуда», однако произошло удачное сочетание модернизации экономики по западным лекалам и традиционного восточного стремления к политической стабильности. С конца 1950-х гг. у власти в Японии практически без перерыва находится Либерально-демократическая партия, что не стало препятствием для успешного осуществления реформ и не привело к узурпации власти отдельными лидерами. То есть система внутренних сдержек и противовесов, взятая из западной политической культуры, оказалась вполне работоспособной на японской почве [Белов, 2017, с. 25].

Один из постулатов теории экономического роста гласит, что скорость, с которой увеличивается национальное богатство той или иной страны,

помимо необходимости рыночных преобразований, во многом зависит от психологических и социально-политических особенностей конкретной нации. С этой точки зрения Япония и другие страны Восточной Азии обладают важным преимуществом, а именно – дисциплинированным и работоспособным населением, характеризующимся высокой нормой личных сбережений (40–50 % к ВВП) и скромностью потребностей [Kimura, 2009].

Это значит, что по мере улучшения уровня жизни населения не происходило стремительного роста зарплат и, как следствие, резкого роста потребительской активности населения, неизбежно приводящего к кризису перепроизводства. То есть заметная часть наличных денег оставалась на руках у граждан и формировала отложенный спрос, который реализовывался пропорционально росту внутренней производственной активности. Однако то, что хорошо работало в процессе перехода к индустриальной и постиндустриальной экономике, становится проблемой сейчас, а именно – попадание Японии в «парадокс бережливости». Стремление населения больше сберечь не способствует притоку дополнительных денег в экономику, а в ситуации, когда уровень жизни населения высокий и экстенсивные методы удовлетворения спроса, по сути, исчерпаны, это приводит к общему снижению цен (дефляции) и только усиливает стремление граждан сберечь в надежде на еще более выгодные предложения товаров и услуг.

Важным условием успеха японской модели опережающего развития в 1960–1970-е гг. стало государственно-частное партнерство и экспортно-ориентированный характер национального производственного сектора. Государственно-частное партнерство выражалось в понятной структуре взаимоотношений экономических агентов с органами власти, создании эффективной практики разрешения корпоративных споров и базировалось на четком понимании важности накопления национального капитала [Белов, 2017, с. 100–101]. Иначе сохранялся риск оказаться в числе так называемых неокolonий с доминированием иностранного капитала в ключевых отраслях экономики и слабым государственным аппаратом, что произошло со многими странами Азии и Африки после их освобождения от «традиционной» колониальной зависимости.

Экспортно-ориентированный характер производства логично вытекал из островного положения Японии (акцент на морскую торговлю), отсутствия собственных минерально-сырьевых ресурсов и весьма ограниченной емкости внутреннего рынка. Во главу угла ставилось развитие конкурентоспособных и востребованных экспортных

отраслей, таких как автомобилестроение, бытовая техника, микроэлектроника. Ключевая цель – обеспечение положительного сальдо внешнеторгового баланса как следствие экспансии на рынки США и стран Западной Европы, что обуславливалось серьезными конкурентными преимуществами японских товаров, т. е. их относительно невысокой стоимостью при высоком качестве сборки и продолжительном сроке службы [Мозебах, 2018, с. 498]. Тогда, в 1960-е годы, и сформировалось устойчивое понятие «японское качество».

Следует отметить еще один момент. США и страны Европы в рамках положений Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ) от 1947 г. придерживались концепции открытой и конкурентной внешнеторговой политики, что было на руку японским производителям, но свою роль играл и геополитический фактор. Япония и Республика Корея находились в «коммунистическом окружении» СССР, Китая и КНДР, поэтому их экономические успехи и рост благосостояния должны были демонстрировать все преимущества западного капиталистического пути другим странам Азиатского региона. Очевидно и то, что «странам постсоветской Восточной Европы не нужен никакой отдельный региональный порядок. Они будут так или иначе существовать с ориентацией и разной степенью вовлеченности в два проекта – Европейский и Евразийский, к которым может еще прибавиться китайский проект» [Шаклеина, 2020, с. 21].

Японская модель опережающего развития вплоть до конца 1980-х гг. служила несомненным ориентиром для Республики Корея, большинства стран Юго-Восточной Азии и вставшего на путь рыночных реформ Китая. Отметим, что к началу 1990-х гг. доля Японии в мировом ВВП составляла почти 11 %, но к 2020 г. снизилась до 4 %. Причиной этого стала долговременная рецессия, а также уверенный экономический рост соседей.

ЭВОЛЮЦИЯ ВОСТОЧНОАЗИАТСКОЙ МОДЕЛИ ОПЕРЕЖАЮЩЕГО РАЗВИТИЯ

Если говорить об экономиках Китая и Республики Корея, то они во многом копировали японскую систему, естественно, с учетом своей специфики и с временным лагом в 20–30 лет (Корея – устойчиво с конца 1970-х гг., Китай – с середины 1980-х гг.). Еще раз отметим, что этому решительно способствовала общая трудовая этика и огромный мобилизационный ресурс рабочей силы, особенно в Китае. Ставка также делалась на развитие экспортно-ориентированных отраслей, но если Корея практически буквально адаптировала японские

подходы, стремясь завоевывать иностранные рынки за счет предложения товаров с высокой добавленной стоимостью по низкой цене, то Китай начал с легкой и обрабатывающей промышленности, и в 1990-е – начале 2000-х гг. его вполне заслуженно называли «фабрикой мира». Впрочем, уже с середины 2000-х гг. в структуре экспорта Китая стала уверенно расти доля высокотехнологичных товаров, произведенных на основе уже собственных разработок, как ранее в Японии и Республике Корея [Terk, 2014, с. 15–16].

Для достижения устойчивой динамики роста ВВП Япония и Республика Корея предпочитают опираться на собственные (внутренние) инвестиции, нежели привлекать существенные объемы средств зарубежных компаний и фондов. В течение периода с начала 1990-х и до середины 2010-х гг. доля ПИИ – прямых иностранных инвестиций (в результате которых инвестор получает долю в уставном капитале конкретного предприятия не менее 10 %) по отношению к ВВП этих стран составляла, по разным методикам расчетов, 1–3 %. Для примера – этот показатель в среднем по ОЭСР (Организация экономического сотрудничества и развития) приводится в диапазоне 20–30 %. По сути, основными инвесторами выступали государство и крупные национальные банки, что вкупе с неизменной протекционистской политикой хорошо поддерживало экспорт.

Китай активнее привлекает иностранные инвестиции, и это неудивительно, учитывая масштабы рынка и амбиции страны по построению «общества средней зажиточности». Тем не менее даже во время двузначных темпов роста китайской экономики в середине 2000-х гг. доля ПИИ в структуре ВВП не превышала 13% [Тау, 2014, с. 24–25]. Если внутренние трудовые резервы Японии и Республики Корея практически исчерпаны, что на фоне роста продолжительности жизни и снижения численности работающего населения неизбежно переводит государственное экономическое регулирование в область поиска оптимального сочетания денежно-кредитной и налогово-бюджетной политики, то Китай пока может позволить себе идти экстенсивным путем, осваивая новые территории и отрасли [Solis, 2020].

В рассматриваемых государствах Восточной Азии базовым элементом модели опережающего роста являются сильные финансово-промышленные группы (банки, производственные кластеры, сети реализации продукции, объединенные под вывеской одной корпорации). В Китае и Республике Корея эти структуры ориентируются на внутренние задачи социально-экономического развития, повышения уровня производительности труда и устойчивости финансово-кредитной системы,

в то время как японские корпорации очевидно пошли по пути транснационализации.

К середине 2010-х гг. доля зарубежных инвестиций японских компаний по отношению к ВВП страны достигла 15 %, и продолжает увеличиваться – Япония уже входит в тройку мировых лидеров по объемам ПИИ в экономику других стран. Это говорит о том, что сборка технологически сложных товаров (автомобили, цифровая техника, промышленное и энергетическое оборудование) на территории Японии становится всё более невыгодной из-за высоких расходов на материалы, оплату труда и последующую транспортировку готовой продукции зарубежным потребителям, а также ввиду постоянного ужесточения требований по соблюдению экологических нормативов [Тау, 2014, с. 32–33].

Принимая во внимание тот факт, что Китай и Республика Корея внимательно изучают японский опыт и частично воспроизводят его, следует ожидать уверенного роста их инвестиционной активности в ближайшем будущем. Естественно, и сегодня китайские и южнокорейские корпорации имеют стратегии входа на зарубежные рынки и удержание позиций там, но до показателей Японии им еще далеко. Ареной усиливающейся конкуренции во второй четверти XXI века станет Африка, Латинская Америка, Южная и Юго-Восточная Азия.

УЯЗВИМОСТИ ВОСТОЧНОАЗИАТСКОЙ МОДЕЛИ ОПЕРЕЖАЮЩЕГО РАЗВИТИЯ

Собственно, уязвимости (риски) в рамках этой модели не статичны и постоянно изменяются во времени. Факт усиления конфликтного потенциала в Восточной Азии не вызывает сомнений, и дело здесь далеко не только в текущих разногласиях или исторических обидах, как это зачастую преподносится политиками, но значительно глубже – в самой сути идеологии развития находящихся там государств.

Получается, что в одном регионе по соседству расположены сразу несколько экономически сильных субъектов, имеющих схожий мирохозяйственный уклад, но серьезно различающихся в комплексном видении регионального геоэкономического пространства. И если для Европы похожая ситуация во второй половине XX века оказалась предтечей выработки «общего ритма» и последующей всесторонней интеграции, то в Восточной Азии события пошли по совершенно иному пути.

Основная «цивилизационная трещина» пролегла между Японией и соседними странами в первой половине XX века, когда Китай и Корея

серьезно пострадали от японского милитаризма. Но уже в 1960–1970-е гг. большинство претензий были официально урегулированы, Япония многократно извинилась и выплатила солидные компенсации не только в виде прямых траншей в бюджеты или предоставления беспроцентных кредитов бизнесу, но и отдельным семьям [Kim, 2017, с. 24–25].

Однако в 2000-е и 2010-е гг., по мере усиления межгосударственной экономической конкуренции в Восточной Азии, произошел откат к риторике к обвинений в духе 1950-х гг., т. е. фактор «исторической обиды» снова занял весомое место в информационной повестке и умело эксплуатируется властями Китая и Республики Корея как для переключения внимания населения с внутренних проблем на внешнего «недоброжелателя», так и в качестве весомого основания для пересмотра либо разрыва торгово-инвестиционных контрактов с японскими корпорациями в наиболее чувствительных отраслях народного хозяйства, например, в производстве «умной» электроники, телекоммуникационных систем и цифровой техники [Park, 2019, с. 195–197].

Есть еще один немаловажный момент, наличие сильных внерегиональных игроков. В первую очередь, это США, для которых Япония остается ключевым геополитическим и стратегическим союзником в Восточной Азии. Несмотря на ряд разногласий (в частности, выход США из проекта Транс-Тихоокеанского партнерства в период президентства Дональда Трампа), США и Япония совместно придерживаются принципов «неолиберального поворота» (базирующихся на максимальном распространении принципов ВТО+) в международной торговой системе, в то время как Китай продвигает иную стратегию, основанную на двустороннем и многостороннем торгово-инвестиционном сотрудничестве в рамках инициативы «Один пояс – один путь».

Если в общих чертах – то происходит не прямое столкновение китаеццентричных и западноцентричных подходов к будущим очертаниям и вероятным лидерам мировой торговли. Япония и Республика Корея пытаются балансировать между этими двумя центрами сил, однако результаты этих усилий неоднозначны [Швыдко, Ключева, 2020, с. 80–81].

Большая уязвимость кроется и внутри экспортно-ориентированной модели как таковой. Зависимость от состояния внешних потребительских рынков вынуждает страны-продавцы подстраивать темпы и объемы производства товаров под нужды стран-покупателей, и любое снижение емкости этих внешних рынков по причине

каких-либо шоков либо структурных изменений неизбежно приводит к ухудшению и макроэкономических показателей экспортеров. Кризис 2008 г. сильно ударил по Японии – падение ВВП составило более 15 %.

В условиях «игры на одном поле» Китай, Япония и Республика Корея стремятся получить как можно больше конкурентных преимуществ, и когда ценовые механизмы уже не работают в должной мере, в дело вступает политика с целью создать восприятие (например, в США или странах ЕС) своей продукции как честной и правильной. Как можно торговать с Китаем, который строит «лагеря перевоспитания» в Синьцзяне? Лучше иметь дело с либеральной Японией, и желательно, чтобы японские товары производились не в КНР. Долгосрочные эффекты этой информационной войны оценить не просто, но их вклад в рост конфликтного потенциала велик. Недавний и яркий пример – санкции США против китайских компаний Huawei и ZTE. Сложно сказать, распространяли они шпионское ПО или нет, но налицо усиление позиций японских и южнокорейских корпораций на американском рынке телекоммуникационных технологий после этого решения [Kapustina et al., 2020, с. 3–5].

Конечно, государствами Восточной Азии предпринимаются попытки диверсификации направлений экспорта, например, на рынки стран Южной и Юго-Восточной Азии. Это подтверждает и подписание соглашения о Всеобъемлющем региональном экономическом партнерстве в ноябре 2020 г. в рамках ежегодного саммита АСЕАН. Тем не менее фактическая заинтересованность членов АСЕАН в продукции с высокой добавленной стоимостью пока ограничена их скромными финансовыми возможностями, а уровень потребительских расходов граждан недостаточно высок для хотя бы частичной замены спроса со стороны населения США и ЕС, если иметь ввиду ситуацию постепенного снижения такого спроса в развитых странах в долгосрочной перспективе.

Пространство для маневра здесь чуть шире у Китая за счет производства и продажи товаров массового потребления, но всё чаще такие производства переносятся в страны с еще более дешевой рабочей силой – Индию, Камбоджу, Пакистан, Бангладеш.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Применительно к реалиям восточноазиатского региона, медианное значение индексов интенсивности и взаимодополняемости торговли,

используемых для ранжирования стран в рейтингах международной конкурентоспособности (в парах «Япония – Китай», «Китай – Республика Корея» и «Япония – Республика Корея») превышает единицу. Это говорит о том, что значимость внутрирегиональных торгово-экономических связей постепенно снижается, а зависимость от внерегиональных рынков только возрастает. Взаимная вовлеченность стран Восточной Азии в процессы разрешения возникающих торгово-экономических споров без их эскалации до состояния взаимных обвинений и ограничений становится всё меньше.

Торгово-экономический конфликт между Японией и Республикой Корея, случившийся осенью 2019 г., лишнее тому подтверждение. Официально правительство Японии заподозрило южнокорейские военные структуры в перепродаже Северной Кореи продукции двойного назначения японского происхождения, но реальные причины лежат в иной

плоскости и связаны с попытками Токио вернуть себе единоличное лидерство в сфере высоких технологий. Со стороны Японии был введен частичный запрет на поставку в Южную Корею редких материалов, необходимых для производства микросхем и другой электроники. В ответ на эти меры жители Кореи выступили с призывом к бойкоту японских товаров и развлекательной продукции [Гущин, 2020]. В итоге спор удалось урегулировать, но некоторые взаимные ограничения действуют и сейчас.

Таким образом, можно сделать вполне обоснованный вывод, что конфликтный потенциал остается высоким, и реальная угроза международной безопасности в регионе только усиливается. Сохранение этой тенденции дополнительно усложнит задачу России по выстраиванию равновесных партнерских отношений со странами ВА, но при этом и создаст новые возможности для торгово-инвестиционного сотрудничества.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Мозебах В. А. Японское «экономическое чудо»: сущность и подходы к пониманию // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2018. Вып. 4. Т. 18. С. 495–500. DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-4-495-500
2. Белов А. В. Япония: экономика и бизнес. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2017.
3. Kimura F. Исследовательская работа № 2009/22 Японская модель экономического развития. Релевантные и нерелевантные элементы для развивающихся стран. April 2009. URL: <https://www.wider.unu.edu/sites/default/files/RP2009-22.pdf>
4. Шаклеина Т. А. Политика США в отношении России: конкуренция, сдерживание и управление // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2020. № 4. С. 10–26.
5. Terk E. Practicing Catching-Up: A Comparison of Development Models of East Asian and Central-Eastern European Countries // Ordnungspolitische Diskurse. 2014. No. 2. P. 2–40.
6. Tay S. The Asian Model of Development: from Crises to Transformation. В кн.: International Development: Ideas, Experience, and Prospect / B. Currie-Alder, R. Kanbur et al. (eds.). Chapter 37. Oxford: University Press Scholarship Online, 2014.
7. Solis M. China, Japan and the Art of Economic Statecraft // Report. The Brookings Institution, USA. February, 2020. URL: <https://www.brookings.edu/research/china-japan-and-the-art-of-economic-statecraft/>
8. Kim G. Korea's Economic Relations with Japan // South Korea's Economic Relations with North-East Asia. 2017. No. 3. P. 23–29.
9. Park J. Korea's Path of Development in Retrospect: Linking Africa to the Korean Development Model // Re-Inventing Africa's Development. L.: Palgrave Macmillan. 2019. P. 177–205.
10. Швыдко В. Г., Ключева Е. А. Япония и США: сравнительный анализ новых подходов к двусторонним отношениям // Сравнительная политика. 2020. № 1. Т. 11. С. 75–87. doi.org/10.24411/2221-3279-2020-10006.
11. Kapustina L. et al. US-China Trade War: Causes and Outcomes / L. Kapustina, L. Lipkova, Ya. Silin, A. Drevaliev // SHS Web of Conferences. 2020. 73(01012). P. 2–13.
12. Гущин Е. Конфликт между Японией и Кореей – новая торговая война? // Российский центр исследований АТЭС. Февраль 2020. URL: https://www.vavt-imef.ru/wp-content/uploads/2019/10/Monitoring_17-%D0%BE%D0%BA%D1%82%D1%8F%D0%B1%D1%80%D1%8F.pdf

REFERENCES

1. Mozebach, V. A. (2018). Japanese “Economic Miracle”: the Essence and Approaches to Understanding. News of Saratov State University: History, International Relations, 18 (4), 495–500. doi.org/10.18500/1819-4907-2018-18-4-495-500 (In Russ.)

2. Belov, A. V. (2017). Yaponiya: economica I biznes = Japan: economics and business. St.Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta. (In Russ.)
3. Kimura, F. (2009, April). Research Paper No. 2009/22. Japan's Model of Economic Development. Relevant and Nonrelevant Elements for Developing Economies. UN University, UNU-WIDER, Japan. <https://www.wider.unu.edu/sites/default/files/RP2009-22.pdf>
4. Shakleina, T. A. (2020). American policy towards Russia: competition, deterrence and governing control. RSUH/RGGU Bulletin Series «Political Science. History. International Relations», 4, 10–26. (In Russ.)
5. Terc, E. (2014). Practicing Catching-Up: A Comparison of Development Models of East Asian and Central-Eastern European Countries. Ordnungspolitische Diskurse, 2, 2–40.
6. Tay, S. (2014). The Asian Model of Development: from Crises to Transformation. In B. Currie-Alder, R. et al (eds.), International Development: Ideas, Experience, and Prospect (ch. 37). Oxford: University Press Scholarship Online.
7. Solis, M. (2020, February). China, Japan and the Art of Economic Statecraft. Report. The Brookings Institution, USA. <https://www.brookings.edu/research/china-japan-and-the-art-of-economic-statecraft/>
8. Kim, G. (2017). Korea's Economic Relations with Japan. South Korea's Economic Relations with North-East Asia, 3, 23–29.
9. Park, J. (2019). Korea's Path of Development in Retrospect: Linking Africa to the Korean Development Model. Re-Inventing Africa's Development (pp. 177–205). London: Palgrave Macmillan.
10. Shvydko, V. G., Klyueva, E. A. (2020). Yaponiya i SSHA: sravnitel'nyy analiz novykh podkhodov k dvustoronnim otnosheniyam = Japan and US: Comparative Analysis of New Approaches to Bilateral Relations). Comparative Politics Russia, 1, 75–87. doi.org/10.24411/2221-3279-2020-10006. (In Russ.)
11. Kapustina, L., Lipkova, L., Silin, Ya., Drevalov, A. (2020). US-China Trade War: Causes and Outcomes. SHS Web of Conferences, 73(01012), 2–13.
12. Gushchin, E. (2020, February). Konflikt mezhdru Yaponiye I Koreey – Novaya trgovaya voyna? = Conflict between Japan and Korea – a new trade war? Russian APEC research center. https://www.vavt-imef.ru/wp-content/uploads/2019/10/Monitoring_17-%D0%BE%D0%BA%D1%82%D1%8F%D0%B1%D1%80%D1%8F.pdf

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Корнеев Константин Анатольевич

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра японских исследований Института Китая и современной Азии Российской академии наук

Печищева Людмила Александровна

кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики
Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Korneev Konstantin Anatolievich

PhD (History), Senior Researcher of Japanese Studies Center,
Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences

Pechishheva Lyudmila Aleksandrovna

PhD (History), Associate Professor of the Department of Foreign Regional Studies and Foreign Policy,
Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities

Статья поступила в редакцию 17.05.2022
одобрена после рецензирования 09.06.2022
принята к публикации 12.07.2022

The article was submitted 17.05.2022
approved after reviewing 09.06.2022
accepted for publication 12.07.2022